

4.

ВЛАСТЬ АРХЕОЛОГИИ И АРХЕОЛОГИЯ ВЛАСТИ

Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М.: Институт археологии РАН, 2011. 592 с.: илл. ¹

Основоположником историографии отечественной археологии по праву считается Александр Александрович Формозов (1928–2009). Практически все те авторы, которые так или иначе разрабатывали в 1980 – 2000-е годы эту тематику, ссылались на его работы, признавались в приверженности его идеям и выводам по части прошлого науки о древностях. Однако такое продолжение практически у всех и всегда шло, так сказать, вширь, а не вглубь. Захватывались новые регионы раскопок; учитывались дополнительные имена и учреждения их организаторов; уточнялись оценки тех или иных лиц, экспедиций и инстанций. В результате оказался поднят массивный пласт архивного, документального материала о том, как изучали древности наши предшественники.

Попытки же качественно отличиться от «формозовской парадигмы» историко-археологических исследований ограничивались, что называется, реваншизмом: стремлением как-то реабилитировать, защитить тех авторов и те институты, которые Формозов критиковал, признавал вредными, реакционными. Эти варианты полемики Александр Александрович предвидел, специально оговорил в своих итоговых, завещательных книгах (Формозов, 2005; 2006; 2008; 2011).

Попутно отмечу негативный момент в историографическом повороте исследовательского внимания археологов. Отрицательный как раз с точки зрения институциональной структуры гуманитарной науки. А.С. Смирнов в начале своей книги расценивает это увлечение коллег опытом их более или менее отдалённых предшественников как свидетельство «структурирования археологии как развитой, расчленённой науки» (7). Это так, но ведь историографией стало заниматься всё больше археологов-полевиков, музейщиков. Им бы копать да копать, а особенно упорядочивать уже накопленное. Квалифицированных специалистов по историческим древностям на такую огромную страну, как наша, катастрофически не хватает. Остроумно выразился кто-то из зарубежных коллег: дескать, всё больше футболистов покидает поле игры и устраивается на трибунах... В нашем случае занимается «теорией» или историей науки. А кроме них, кому,

¹ Первая публикация: *Щавелёв С.П.* Власть археологии и археология власти (Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (Очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М., Ин-т археологии РАН, 2011. 592 с. // Российский археологический ежегодник / Под ред. Л.Б. Вишняцкого. № 2. 2012. СПб., 2012. С. 765–780.

впрочем, небесполезно оглянуться на опыт предшественников, в историографию затёсывается немало тех, кто не имеет способностей или желания заниматься настоящей полевой археологией (см. их в особенности среди авторов «диссертаций, посвященных истории изучения определённого региона, археологической проблемы, культуры, памятника и даже отдельных периодов исследования конкретного памятника» (7)). А по истории науки получает равноправную учёную степень и все связанные с ней дивиденды. Но высказанное сожаление не относится к рецензируемой работе, и вот почему.

Первым исследовательским проектом, где ретроспективный взгляд на историю русской археологии приобрёл научную новизну, незамеченную ранее эвристичность, я считаю публикации Александра Сергеевича Смирнова (Институт археологии РАН). То, что теперь эти статьи сведены вместе и существенно дополнены в виде книжного, монографического издания крупного формата (за 70 печатных листов), представляется мне очень важной, долгожданной вехой в развитии нашей археологической историографии.

Рядом с этой работой можно поставить разве что два-три труда, схожих по масштабности замысла, но, в общем, другой тематической доминанты (Тункина 2002; Платонова 2010; Клейн 2011).

В чём же заключается, на мой субъективный, конечно, взгляд, новизна и перспективность смирновского подхода к истории русской археологии? Прежде всего в том, что наш автор не побоялся изменить идеологическую точку отсчёта во всей этой научно-тематической «нише». Взгляд Формозова тут оставался либерально-интеллигентским, чего Александр Александрович отнюдь не скрывал, а многократно печатно повторял и разъяснял («Я отстаиваю традиционные гуманистические идеалы XIX столетия» (Формозов 2011: 93)). Не любя советской власти, отвергая и беспощадно осуждая её культурный опыт, Формозов, что называется, выпитал с молоком матери вполне революционные, а значит и советские оценки дооктябрьской России. Самодержавие в его глазах оставалось безусловно реакционным институтом, и те самодержцы, что рьяно отстаивали имперские устои, получали в трудах Формозова однозначно отрицательные оценки. «Николаевская реакция», «контрреформы Александра III», «вырождение монархии при слабосильном Николае II». Что уж говорить о сподвижниках и сторонниках царей, о царских министрах. Они в своей массе якобы обречены были не двигать, а тормозить науку о древностях. Относиться к ней потребительски, в духе ложно понятого патриотизма и совсем уж отвратительного национализма. Если не текстуально, то по духу, по идее, так рассуждал Формозов. Повторяя логику русской интеллигенции пореформенного и предреволюционного периодов, нравственную присягу которой он публично принёс и честно сдержал.

*Александр Сергеевич Смирнов в академической обстановке.
Фото с сайта «Археология Средней Азии».*

До сих пор можно признать какую-то долю исторической правоты за этой позицией. Но сегодня стоит обдумать и ту часть исторической правды, которая была и остаётся на стороне консерваторов, так называемых реакционеров, более сочувственных именуемых теперь государственниками, «почвенниками», патриотами. Тех, кто самоотверженно, не щадя себя, помогал строить, защищать Российскую империю. Чьим подданным и согражданам и предстояло развивать отечественную археологию. Тех, кто служил верой и правдой тому строю, тому правительству, которыми наделила их судьба. А те археологи и прочие гуманитарии, кто исповедовал демократические и даже радикальные воззрения, были обречены как-то взаимодействовать с «охранителями». А.С. Смирнов приводит несколько примеров — их число нетрудно умножить — когда сосланные на окраины Империи смутьяны находили там своё призвание как географы, археологи, этнографы, фольклористы. Не будь они репрессированы (по сравнению с советским периодом весьма мягко), наука не пополнилась бы П.Н. Кропоткиным, Л.Я. Штернбергом, ведущим раскопки П.Н. Милюковым и другими подобными весьма яркими фигурами.

В итоге реалистическая панорама отечественной науки нуждается не в сортировке на идеологически «чистых» и «нечистых» деятелей, а в стереоскопическом обзоре того, как жили и действовали все участники этой «академической игры». Каждый по-своему искренний, продуктивный в научном отношении. Вот эту сторону истории русской науки на весьма показательном примере именно археологии и раскрывает в своём исследовании А.С. Смирнов.

Соответственно своим сверхзадачам, Смирнов отличается от Формозова по предметам историографического внимания: первый разрабатывает прежде всего историю более или менее официальных лиц и особенно учреждений, преимущественно в области политики, внешней и внутренней, а второй — культурный контекст науки, её внешние связи с миром религии, искусства, просвещения и прочим. Для Формозова главное личность археолога как такового, частного лица, а для Смирнова — пути его служебной биографии, чиновной карьеры, вклад в государственное и общественное «строительство». Автору рецензируемой книги «необходимо понять, как национальный или государственный колониализм, национализм, регионализм и иные культурные предубеждения повлияли на выбор исследовательских тем в археологии и полевой практике, а также на кабинетную интерпретацию археологических данных. Следует проследить, каким образом экономический, политический, социальный, религиозный и культурный контексты повлияли на эволюцию археологической мысли, оценить воздействие общества и власти на организацию археологической науки, выбор её исследовательских приоритетов и направлений» (9). При этом установки на идеализацию, безусловное восхваление учёных на имперской службе в книге нет. Есть объективная данность: переплетение

собственно академических задач и внешних науке, политических целей, явных и тайных идеологических замыслов организаторов и исполнителей тех или иных мероприятий, особенно экспедиций. Как видно из новой книги, достижения на археологическом фронте соседствовали с неудачами, даже провалами — и научными, и политическими.

А.А. Формозов не жаловал сановных покровителей археологии и её начальников, относился к тем и другим, как правило, критически. Малоизвестный краевед для него не менее важная фигура, чем придворный сановник, на досуге интересующийся древностями. Любимый герой Александра Александровича — скромный разночинец, самоотверженным трудом «сделавший себя» в науке на медные деньги. Например, И.С. Поляков — сын забайкальского казака и бурятки, первооткрыватель палеолитических Костёнок, или совсем уж безвестный «уралец Малахов», очерк о котором Формозов опубликовал дважды (Формозов 1991 а, б). Сочувственно цитируется Александром Александровичем письмо А.П. Философовой И.С. Тургеневу, где говорится о «новых людях» пореформенной России: «Эти личности задаются не карьерой и не акционерными обществами, а служением человечеству и самой обездоленной его половине» (Цит. по: Формозов 1983: 53).

Когда-то кого-то этот культуртрегерский пафос впечатлял. Но пора бы уже нам понять: именно акционерные общества вкупе с прочими институтами капитализма позволили по крайней мере «половине человечества» подняться до высот индустриального, а потом и постиндустриального общества. Жить достойно. И пользуясь новыми возможностями, помогать другой, «самой обездоленной половине». А вклад в науку нередко зависел именно от успеха служебной карьеры того или иного лица, чьи материальные возможности росли вместе со званиями и чинами. Сановных же археологов Формозов, как уже отмечалось, недолго любил. Беглых упоминаний удостоиваются в его книгах граф Л.В. Перовский, в качестве министра уделов, а потом внутренних дел первым организовавший археологическое обследование юга России на государственные средства; или же граф А.А. Бобринский, переводивший, наконец, Императорскую Археологическую комиссию с сугубо коллекционерских на научные основания; да и менее знаменитые в археологии, но столь же именитые фамильно и сановно персоны. Исключение делалось А.А. Формозовым для четы Уваровых, чьи роли им оценивались очень высоко. Однако придворные связи графа и графини, их коммерческая деятельность, без которых в Российской империи мало что серьёзного можно было поделывать по части древностей (Щавелёв 2007), оставались «за кадром» формозовского анализа.

Впрочем, моя попытка сравнения концепций А.А. Формозова и А.С. Смирнова никак не должна бросить тень скептического сомнения на бесценное для нас творческое наследие Александра Александровича. Александр Сергеевич смог пойти дальше в истории науки, только опираясь на формозовские достижения.

Ещё одной особенностью работы А.С. Смирнова явилась её хронологическая, тематическая и географическая широта. Хотя в нашем распоряжении уже имеются варианты синтеза в области всей истории российской археологии (Формозов 1961; 1986; Лебедев 1992; кое-какие ещё, куда менее аналитические, а напротив, одномерно идеологизированные и идеализированные), они всё-таки поуже тематически. В новой книге история археологии соотнесена с широчайшим ареалом становления Российской империи — как её сердцевинными, «внутренними» губерниями и областями, так и, в особенности, с разными окраинами — западными, южными, восточными, где изучение их специфических древностей служило, среди всего прочего, и предлогом, и причиной инкорпорации соответствующих территорий в имперский государственный организм. Кроме того, впервые системно рассмотрен археологический фактор внешней политики империи, широко обзревается тема «Дипломатия и древности».

Так что заявленная в самом названии монографии установка на системное рассмотрение социально-политических обстоятельств институционального становления российской археологии вполне реализована автором.

Решительно расширяя диапазон рассмотрения истории отечественной археологии, А.С. Смирнов учёл практически все работы своих предшественников, как крупные, так и мелкие. Список источников и литературы в этом издании (536–587) весьма полный. Он содержит массу малоизвестных даже коллегам автора историкам и археологам редких печатных изданий.

Основной текст работы поделён на две почти одинаковые по объёму (каждая листов по 20 печатных) части. Первая посвящена связи археологии с внутренней политикой Российской империи, вторая — с политикой внешней.

В первой части — две равномерных главы. Первая даёт сводный очерк взаимоотношений государственной власти, археологических учреждений и научно-просветительских обществ в России с середины XVII и по начало XX века. Во второй главе та же проблематика конкретизируется на столь выразительном материале, как археологические съезды наших и зарубежных учёных.

В преамбуле к первой главе затрагивается вопрос о начале археологии в нашей стране. Были попытки удревлять это начало до предела, обращая внимание на летописные да житийные известия о поисках кладов ещё в домонгольской Руси, перезахоронении из языческих курганов останков тогдашних «старых князей», размещении в храмах их реликвий и тому подобные мероприятия ранних Рюриковичей. Автор логично разграничивает сугубо прикладной интерес населения и властей к городищам, курганам икладам как географическим ориентирам, возможным источникам обогащения и вообще меркантильным вещам — и любопытство сугубо познавательное, смутное внимание к памятникам народного прошлого как неким символам и святыням. Первый подход уходит «далеко вглубь веков», а второй относится

к рубежу позднего Средневековья и раннего Нового времени. В качестве переходного момента от потребительской к познавательной «археологии» тут верно отмечаются «сыски о кладах», которыми центральная и местная ветви власти рьяно занимались и в XVI и, особенно, в XVII столетиях. Стоило уточнить, что под «кладами» тогда понимали и собственно спрятанные в землю сокровища, и древние могилы с вещевым инвентарем, и остатки поселений с культурным слоем, и чисто мифологические, воображенные народной фантазией «объекты» (Новомбергский 2004). Хотя не и столь массово, как с «кладами», но отмечаются очень ранние эпизоды согласованных с центральной властью поисков палеофауны («костей волотов»), чертежа укреплений городищ (Щавелёв 1998; 2011).

Причём кроме вреда для памятников археологии от кладоискательства, селитренного и прочего производства, строительства, землепашества и иной хозяйственной деятельности получилась и некоторая польза для будущей научной археологии: ведь будущие разведчики этих памятников, особенно на первых порах, во многом опирались на народную молву, вековую память о тех или иных искусственных элементах ландшафта, их местонахождении.

Первые документы о сугубо познавательном (протоархеологическом) интересе к ископаемым артефактам справедливо относятся автором к правлению Алексея Михайловича. Антикварный интерес — предтеча науки — объясняется усилением контактов русских дипломатов и купцов с Западной Европой, уже сформировавшей его в эпоху Возрождения. Так что изначально и всегда потом на развитие отечественной археологии будут влиять интересы как внутренней, так и внешней политики государства. Это основной вывод работы, им она гипотетически открывается (7–8) и им же завершается (179), но уже на теоретически-конкретном уровне выводов из огромного массива рассмотренного материала.

Далее прослежены основные «шаги в развитии археологии на пути превращения её в научную дисциплину» (17) за XVIII – первую четверть XIX века. Историки русской археологии всегда уделяли повышенное внимание этому периоду, находя в реформах Петра I и деятельности «птенцов его гнезда», его преемников на царском троне искомое начало нашей археологии. А.С. Смирнов со своей точки зрения на политический контекст науки убедительно поправляет эти выводы. Не только Пётр, но и Екатерина II и Александр I «не предполагали идеологического утверждения великорусского начала в государстве. Имперская власть позиционировала себя как главу всех народов России» (18). В результате археология тогда не получила возможности институционально самоопределиться по сравнению с географией, статистикой, геологией и другими направлениями «учёных путешествий» и прочих раннеархеологических проектов новорождённой Академии наук, инициатив отдельных просвещённых лиц. Всяческие уники да антики не воспринимались ещё у нас как отмыты национального прошлого. Собиратели древностей поначалу бездумно повторяли опыт западноевропейских антикваров, постоянно оглядываясь на их суждения.

Какие-то археологические наблюдения накапливались подспудно по ходу в общем внеархеологических предприятий. У государства ещё не возникло нужды поощрять создание каких-то обществ, объединений исторической направленности. Археологические аргументы тогдашней политике оставались без надобности. «Политическое коромысло» колебалось в сторону интеграции с остальной Европой. Отсюда и вторичный характер старта отечественной археологии, поначалу искавшей только свои источники донациональных, античных древностей на юге страны.

Первым монархом, обратившим пристальное внимание на памятники именно родной старины, стал Николай I (Высочков 2006: 412–420). Одной из причин тому послужил, очевидно, явный раскол общества в связи с движением декабристов, вообще последствия близкого знакомства массы его подданных с Западной Европой во время войн против Наполеона. В результате маятник государственной политики качнулся от «прорубания окна в Европу» в противоположную сторону — поиска национальной самобытности, опоры на славные свершения предков. Н.М. Карамзину пришлось писать историю государства Российского, а императору и его образованным подданным внимательно её штудировать.

Новые идеологические установки и политические условия не могли сказаться на состоянии гуманитарной науки немедленно. Сугубо прикладной характер государственного управления в молодой империи обусловил такой организационный контекст для многих общественных наук, включая археологию, как статистическая служба. Верховная власть решила разобраться, чем и кем она в действительности управляет. Статистические запросы из центра о состоянии экономики, демографии, законности и даже древностей губерний и областей России стали дополнительным способом проверить дееспособность местных властей. Так статистика стала одной из официальных функций Министерства внутренних дел, в составе которого возникли Центральный и много местных, губернских статистических комитетов (ГСК). Их деятельность довольно подробно обзвевается А.С. Смирновым в начале первой главы. Изложение здесь изобилует новыми фактами, именами, ссылками на затерянные в редких изданиях публикации. В целом его оценка этих учреждений справедлива: перед нами первые официальные инстанции на местах, почти по всем регионам огромной империи, что предпринимали некие шаги по учёту, если не изучению памятников старины на своей территории, хранению случайно или намеренно найденных древностей. Однако обращу внимание читателей рецензируемой монографии — это начало внимания государственных чиновников к археологии оставалось весьма скромным. Большинство комитетов не имели своих музеев, печатных органов собственно исторической направленности, да и энергичные любители старины находились далеко не везде. Общая для российского государства бюрократизация давала себя знать и здесь. Большая часть историко-археологических мероприятий этих комитетов оказалась предпринята только

после запросов из центра, и реакция на них чаще всего оставалась более или менее формальной.

Наш автор зря доверился выводам вятского краеведа В.А. Бердинских, в журналистском стиле идеализировавшего институт этих комитетов при весьма выборочном рассмотрении их опыта (Бердинских 1994). В подтверждение высокой оценки деятельности статистических комитетов А.С. Смирнов цитирует Д.Я. Самоквасова, на III Археологическом съезде отметившего: «Обширность важного материала, доставляемого комитетами... В губерниях, где ... было известно 10, 15 городищ, их оказалось от 150 до 300» (31). Читателю стоит пояснить, что речь идёт не обо всей археологической деятельности комитетов, а только об анкете, которую лично Самоквасов провёл циркуляром через Центральный статистический комитет по всем губерниям «внутренней части империи». Переписывая «древние земляные насыпи» на подведомственной территории, губернские чиновники выполняли приказ МВД. В одних губерниях — ревностно и результативно, а в других ограничились отпиской. Так что приведённая оценка Самоквасова — скорее пожелание на будущее, демонстрация возможностей, отчасти самореклама (Щавелёв 1992: 255–264). Без запроса из министерства комитеты в своём большинстве древней историей интересовались мало. Попытки отдельных энтузиастов создать при некоторых комитетах специальные историко-археологические комиссии дальше заявлений о намерениях не пошли. Как, например, в Курске и на сопредельных территориях (Щавелёв 1997: Гл. II «Прошлое края в трудах Статистического комитета»).

Дело разведок, раскопок, музеев, архивов древних актов заметно активизировалось в рамках Губернских учёных архивных комиссий (ГУАК). Их опыт весьма подробно охарактеризован А.С. Смирновым. На этом опыте гораздо ярче, чем в период губстаткомитетов ², подтверждается наблюдение автора за тем, как становление русской археологии оказалось завязано на личных отношениях местной бюрократии с императорами, членами императорской семьи, придворными и министерскими сановниками. Централизованное плановое финансирование Архивных комиссий и похожих объединений любителей истории при постоянном «дефиците государственного казначейства» пробивалось долго и осуществлялось скупно. Но при наличии связей при дворе, умении и удаче подать дело выгодным образом на самом верху успех, как правило, был гарантирован. Именно таким образом Д.Я. Самоквасов много лет получал казённые субсидии на «раскопки и приведение в известность древних земляных насыпей внутри империи» (Щавелёв 1998 в), а Курская, Воронежская, Саратовская, а затем и некоторые другие ГУАК — десятки тысяч рублей каждая на открытие

² То есть и после открытия ГУАК в том или ином регионе, ГСК там же оставался в структуре губернской администрации, но или с облегчением передавал археологические задачи комиссии (чаще), либо в меру сил конкурировало с ней по этой части (реже).

местных музеев древностей в купленных для этой цели благоустроенных зданиях. Исследование А.С. Смирнова объясняет нам, почему и как именно рафинированный аристократ граф А.С. Уваров смог основать первое общенациональное древлехранилище — Исторический музей в Москве, а чиновные энтузиасты археологии на местах — свои региональные кружки любителей древней истории. Интересы науки резонировали при этом с задачами политики Российского государства, идеологии его правящей элиты.

Автор называет ГУАК «общественно-государственными организациями» (52–53). Неточная оценка. Ведь они, в отличие от статкомитетов, не входили в состав губернской администрации. Разрешение на их открытие давало МВД, в дальнейшем их работу как-то координировало Министерство просвещения и опять-таки частно-общественный Археологический институт в Петербурге. Комиссии и похожие на них объединения (Археологические комитеты в отдельных уездах, Церковно-археологические комитеты при губернских епархиях и прочие кружки любителей старины) собирались и действовали на совершенно добровольной основе, оставались самоуправляемыми, существовали первоначально на взносы членов и редкие меценатские пожертвования. Перед нами по сути дела ячейки гражданского общества, предпосылки того правового государства, о котором применительно к социально-политической эволюции Российской империи только начинают заявлять её историки (Миронов 2003). Впечатление о прямом государственном влиянии на Археологические комиссии могло возникнуть оттого, что в состав большинства ГУАК входили не только представители разночинной интеллигенции вроде учителей, инженеров, врачей, юристов, священников, но и целый ряд чиновников, первых лиц губернской администрации, начиная с отдельных губернаторов и вице-губернаторов. Причём официальные лица не просто числились там, но и участвовали в заседаниях, выезжали на раскопки, принимали реальное участие в публикациях многих комиссий (как авторы и редакторы). Видно, чиновники тогда в своём большинстве были куда более гуманитарно-образованными и заинтересованными людьми, нежели в советские и постсоветские времена.

Конечно, среди учёных и любителей старины тогда встречались не только верноподданные, но и оппозиционные власти персоны. Однако политическая оппозиция среди учёных и краеведов была представлена далеко не так драматически, как это рисовалось обычно присяжными советскими историографами. В книге это обстоятельство метко подчёркивается: по мнению целого ряда экспертов, и наших, и иностранных, «русский чиновник и интеллигент были братьями одной семьи» (Р. Вильтон)) (198). Именно на должности с возможной гуманитарной подоплёкой (вроде чиновников по особым поручениям при губернаторе или секретаря ГСК) нередко приглашались лица с либеральной, а в окраинных губерниях даже с революционной репутацией (вроде сосланного в Забайкалье князя П.Н. Кропоткина). Эти случаи не воспринимались как ренегатство с обеих

заинтересованных сторон, охранительной и оппозиционной. Наука нередко примиряла политических противников. Так что история археологии позволяет более реалистично представить себе политическое устройство Российской империи.

Разумеется, А.С. Смирнов совершенно прав, когда подчёркивает тотальный государственный контроль над всеми сферами деятельности всех этих формально общественных объединений учёных и любителей старины (77). В книге этот контроль, его способы и направления, обстоятельно рассмотрены. Один из авторских выводов тут подчёркивает почти полную деполитизацию дореволюционных объединений археологов. Найденные Смирновым данные о революционной деятельности под прикрытием археологии носят единичный характер (382). К этому доказанному выводу стоит добавить, что некие оттенки в политических взглядах археологов, особенно на местах, историография сохранила. Но их диапазон оставался не слишком широк: от прямого черносотенства до либерализма в кадетском духе. И на первые роли либеральничавших любителей археологии в их провинциальных кружках не пускали, а лиц с революционной репутацией туда просто не принимали.

При всех известных нам недостатках ГУАК, Подготовительных комитетов Археологических съездов, работавших по несколько лет между их созывами в том или ином регионе, похожих объединений разыскателей старины, они сыграли незаменимую роль в институционализации обращения с историческими древностями практически на всём протяжении огромной державы. В рецензируемой книге подробно прослежены творческие связи провинциалов со многими центральными научными организациями, начиная с университетов, Императорской Археологической комиссии и заканчивая такими, как Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, Императорское Русское Географическое общество, Императорское Московское Археологическое общество, Императорское Русское Археологическое общество и другие добровольные объединения любителей старины в разных её видах. Любители истории в губерниях и уездах оказались тогда полноценно включены в академическую работу. Характерно, что никакими «краеведами» они себя тогда не называли. А — начинающими исследователями древностей, их любителями. В книге подчёркивается, что гимназическая, университетская подготовка позволяла тогда этим дилетантам заниматься археологией более или менее научно. Разумеется, прежде всего, в деле эмпирического сбора документальных и вещественных источников для профессиональных историков, археологов, этнографов, фольклористов. Впрочем, в условиях становления отечественной гуманитарной науки любительский старт характерен для А.С. Уварова, Д.Я. Самоквасова, В.А. Городцова, А.А. Спицына и других будущих корифеев, особенно выходцев из провинции.

Подготовить для каждого региона нужное количество археологов — задача далеко не решённая даже в наши дни, столетием спустя после того,

как ГУАК и тому подобные объединения в первые послереволюционные годы закрыли. Советские общества краеведения в 1920-е годы практически во всём продолжали работу Архивных комиссий, хотя и с меньшим успехом. А после того как на рубеже 1920 – 1930-х годов краеведческое движение в СССР было разгромлено, общественная составляющая государственной заботы о древностях так и не вернулась на дореволюционный уровень (Щавелёв 2007 б). «Краеведы» второй половины XX века в своём большинстве отличались недостатком общей грамотности и психологической ущербностью. Исключения среди добровольных помощников археологов в эту пору только подтверждают правило их слабой квалификации. Так что проделанный А.С. Смирновым углублённый и расширенный анализ тогдашнего опыта взаимодействия государства и энтузиастов родной истории сегодня весьма поучителен.

К перечню учтённых в книге А.С. Смирнова ранних форм становления археологических потребностей российского общества я бы добавил периодическую печать. Сначала в центральных альманахах, журналах, а затем, к 1850-м годам и в губернских «Ведомостях», гражданских и епархиальных, в ежегодных «Памятных книжках» губерний и областей империи всё чаще стали появляться статьи и заметки на историко-археологические темы. Как ни странно для всех этих сугубо официозных органов, и на их страницы порой проникала научная мысль, моментами оппозиционная государственной идеологии.

Ярким примером может служить цензурный скандал, случившийся в Курске в 1850 году. Врач здешней гимназии В.К. Гутцейт, выпускник Дерптского университета и увлечённый натуралист на досуге, корреспондент самого профессора К.Ф. Рулье, опубликовал в губернских ведомостях статью о палеонтологических находках инженера В.А. Киприянова. Петербургский Цензурный комитет усмотрел в статье крамолу: автор противоречил библейской «хронологии Моисея» о сотворении мира. Последовало решение подвергать все губернские газеты предварительной цензуре. То, что уже было разрешено в академической печати, ещё запрещалось в печати общедоступной (Щавелёв 1997: 17–22).

Впрочем, подобные скандальные эпизоды оставались редким исключением. К началу XX века в провинциальной печати накопилось довольно много ценного историко-археологического материала. Хотя по современным меркам этот материал отличался описательностью и фрагментарностью, зато он часто был извлечён из таких памятников, которые вскоре были уничтожены природой или человеческими действиями.

В этой же связи А.С. Смирнову стоило особо отметить археологическую роль представителей церкви. Хотя священнослужители редко где у нас выходили в лидеры археологии, свой вклад в поиски и объяснение древностей они внесли. В силу тех же причин, что отмечают А.С. Смирновым применительно к гражданскому чиновничеству: синодальная организация РПЦ централизовала и дисциплинировала разные

инициативы по части просвещения, включая археологические. Сегодня покажется удивительным, но до революции церковные иерархи обычно куда более терпимо относились к научно-историческому анализу древностей, чем сегодня. Яркий образец тому даёт опять-таки Курский край: его главная святыня, икона Знамения Богородицы (Коренная) по-разному датируется в литературе. «Курские епархиальные ведомости» сто лет назад согласились с реалистичной датировкой святыни рубежом XVI–XVII столетий, основанной на научной критике постлетописных источников об её «обретении» (Сенаторский 1912). Современные же иерархи РПЦ вдвое удревляют возраст святыни — до 700 лет, опираясь на явно легендарные версии монастырской хроники, а доводам историков и археологов не внемлют (Раздорский 2008: 36–41).

Как видно, новейшая история нашей археологии включает не только институциональный прогресс, но и регресс по сравнению с прежними периодами её развития.

Отдельная тема истории гуманитарной науки — связь некоторых её представителей с националистическими и сепаратистскими движениями на западных окраинах империи. В книге по сути дела впервые и очень широко рассмотрены соответствующие моменты развития археологии в российской части Польши, на Украине, в Прибалтике. Особенно интересен собранный автором материал о Всероссийских Археологических съездах — это вторая глава работы. Историки отечественной археологии раньше рассматривали или отдельные съезды, или даже всё съездовское движение (Серых, 2005), но описательно — регистрируя, кто и что там говорил, показывал, публиковал. Труд А.С. Смирнова впервые вскрывает политическую логику и изощрённую административную тактику выбора места проведения каждого съезда, формирования его программы — докладной, выставочной, издательской, экскурсионной; контроля за поведением тех участников и той части посторонней публики, у которых складывалась подозрительная для властей политическая репутация. Показано, каких усилий стоило А.С., а потом П.С. Уваровым и их верным соратникам поддерживать съездовское движение в драматических условиях недавних национальных восстаний, революционного брожения, крестьянских бунтов и даже баррикадных боёв в Москве.

Получается парадоксальное, но, если вдуматься, поразительное сочетание зачатков гражданского общества, научно-просветительской самодеятельности, административной автономии в деле изучения древностей — и жёсткого самодержавного режима, полицейского государства. Властям, казалось бы, проще было запретить объединения археологов — и без них хватало площадок для антиправительственной пропаганды. Однако и представители власти в своём большинстве, и представители гуманитарной науки, её любители сумели удержаться от крайностей. Видимо, осознавали взаимную выгоду сотрудничества. В этом — одно из историографических открытий обозреваемой работы. Читатель может сравнить эти наблюдения с

трагической судьбой учёных гуманитариев и краеведов после революции. Советская власть лет за 10–15 полностью разгромила организации и тех, и других; перетряхнула, переместила и физически устранила большую часть их участников, сформировавшихся как исследователи в дореволюционной «реакционной» обстановке. Начиная с конца 1920-х годов быть краеведом в нашей стране стало опасно для жизни. Вот вам и революция!..

Вторая часть работы — об археологических векторах внешней политики Российской империи — ещё более нова, интересна в историографическом отношении, поскольку этим вектором нашей археологии историографы занимались куда меньше, чем раскопками «внутри страны». Затрагивались отдельные персоналии, проекты и институты по изучению древностей в отдельных, как-то исторически связанных с Россией странах. В рецензируемой монографии заграничная панорама российской археологии представлена широко и последовательно: во-первых, в зоне интересов Османской империи (Северное Причерноморье, Балканы, Малая Азия, Палестина) и её соседей-соперников (Афины, Рим); во-вторых, в Средней и Центральной Азии, частично поглощённых тогда Российской империей; в-третьих, в некоторых странах Востока (малоазийская часть Турции, Персия, включая Курдистан, Месопотамию; Египет и ещё несколько зон стыка интересов тогдашних великих держав).

Применительно к каждому географическому вектору имперской экспансии показаны и результативные археолого-географические проекты, экспедиции, печатные труды; и замыслы нереализованные; и пробелы в интересах русских учёных. Всё это соотнесено с дипломатической и военно-политической активностью России.

Собранный и истолкованный А.С. Смирновым материал на тему «Древности и дипломатия» позволяет по-новому понять участие России в «Большой игре» европейских держав на Востоке. Как было видно ещё из зарубежных исследований этой увлекательной темы, под личинами археологов, географов, этнографов, лингвистов на международных путях скрывались агенты разных правительств (Сергеев, 2011). Первыми научные ширмы для своих посланцев применили англичане, как это блестяще показал (в том числе и относительно русских разведчиков) в своём лучшем романе «Ким» Р. Киплинг (Ливергант 2011: 199–208). Но кроме разведывательной информации и помощи врагам друг друга, и русские, и английские, и французские, и немецкие, и прочие путешественники, агенты и резиденты собрали вполне музейные коллекции, массу полезных серьёзной науке сведений. Так что и за пределами родины интересы власти и интересы науки преследовались нередко на одних и тех же путях. Геополитические амбиции былых правителей ушли в историю, остались собранные далеко от родины коллекции и прочие научные материалы, которые и сегодня помогают учить всё новые поколения гуманитариев. Потом такую же миссию на Востоке проделал Н.К. Рерих по заданию советских чекистов.

Каждая глава работы А.С. Смирнова увенчивается «заключительными положениями». Эти взвешенные, содержательные резюме облегчают читательское восприятие огромного тома, позволяют использовать его в качестве учебника для студентов и аспирантов не только по археологии, но и по смежным гуманитарным дисциплинам.

Особое внимание понимающего читателя привлечёт «Заключение» ко всей работе. В большинстве наших диссертаций (в связи с которыми выпускаются многие итоговые монографии) оно просто повторяет выводы из предыдущих глав и параграфов. Здесь — нет; все предварительные наблюдения и выводы окончательно препарируются, уточняются и обобщаются. Возразить против конечных формулировок А.С. Смирнова у меня возможности нет. Есть желание подтвердить, разделить те или иные тезисы, а другие дополнить, уточнить.

Как уже отмечалось выше, поворот к славянским, русским древностям автор связывает с правлением Николая I. И делает вывод: «Во многом это было движение сверху, касавшееся преимущественно интереса к славянским, русским древностям, и не нашедшее полноценной поддержки в широких слоях просвещённого общества, уделявшего большее внимание древностям юга России» (380). В целом это так, многие антиквариаты — представители просвещённого дворянства вплоть до постреформенных 1870-х лет недооценивали возможности культурного слоя «внутренних губерний». Однако уже «История государства Российского» Н.М. Карамзина открыла глаза многим губернским и уездным любителям старины на археологические возможности их малых родин. У разночинцев — любителей старины не было средств на дальние поездки к Причерноморью с его античными крепостями да скифскими курганами; их внимание волей-неволей притягивали родные просёлки. Так, И.П. Сахаров вспоминал провинциальное начало своей антикварной работы: «Среди чтения "Истории" Карамзина являлась всегда мысль: что же такое Тула и как жили наши отцы? В этой мысли зародилось первое желание писать ... тульскую историю. В "Истории" Карамзина промелькали указания о тульских событиях. Первые мои занятия состояли из выписок из Карамзина о тульских событиях» (Сахаров 1873: 900). А курский гимназический учитель А.И. Дмитрюков даже поправлял детали карамзинского труда после личных разведок упоминаемых кабинетным историографом местностей, своих раскопок там (Щавелёв 1996). В чиновничьем аппарате Николаевской России, куда так или иначе относились археологи-разночинцы, любое державное начинание должно было получить идейный резонанс. Археология не стала исключением. Встречное движение «снизу» к русским национальным корням началось у нас раньше, чем это представляется историкам археологии, включая А.С. Смирнова.

Автор умудрился сказать о науке Российской империи всё то хорошее, что можно было сказать, не отступаясь от чувства исторической правды и не залезая в болото махрового национализма, точнее, шовинизма. Смена точки

зрения (как сейчас модно говорить — «дискурса») с «левого» на «правый» произведена А.С. Смирновым так, что остальные теоретико-методологические нормы историко-научного исследования остались ненарушенными. Это важно заметить потому, что политические консерваторы как таковые во все времена и по сегодняшний день страдают вполне понятным субъективизмом и даже социально-психологическим нигилизмом по отношению как к своим идейным оппонентам, так и — что гораздо опаснее — к общеобязательным нормам научного исследования. Книжный и интернет-рынки наводнили безграмотные описания о древнейших корнях славян и Руси. А.С. Смирнов этих идеологических «вирусов» избегает. Он не льёт «историческую воду» на «политическую мельницу» сегодняшних эпигонов русского национализма и настоящего политического консерватизма. Исследователь стремится объективно изучить и понять, как русская археология повлияла на российскую политику и какое влияние она с её стороны на себе испытала. Эта стратегическая задача в рассматриваемой мной монографии успешно решена. Так редко бывает в гуманитарной науке — чтобы книга поменяла парадигму целой научной дисциплины. А.С. Смирнову это удалось. Причём без идеологического скандала, сохраняя уважительное отношение к уже весьма солидной традиции историко-археологических штудий.

Я сам, казалось бы, всецело разделяя либерально-интеллигентские установки моего наставника по археологической историографии А.А. Формозова, в отдельные моменты нашей совместной работы позволял себе оговорить альтернативные оценки тех или иных лиц и событий. Например, публикуя в Курске его «Рассказы об учёных» и «Статьи разных лет», давал к его тексту примечания — справки о военных, боевых и государственных заслугах тех учёных, которых Формозов обличал как реакционеров, погромщиков науки. И Александр Александрович в большинстве случаев принимал, позволял такие разночтения. Видимо, понимая возможность и необходимость более пристального, стереоскопического взгляда на прошлое нашей науки.

Важно отметить, что радикально поменяв методологию историко-археологического исследования, А.С. Смирнов сохранил верность его оптимальной методике. Я имею в виду, прежде всего, необходимость комплексного источниковедения для историографии. Историографическая «фишка» этого автора — архивы. Он, как видно, резонно решил, что окончательные аргументы своей новаторской позиции в давно и широко освоенной коллегами тематической области, он найдёт именно там. И, надо признать, нашёл. Фактическое обогащение истории археологии в этой работе под стать её же методологической новизне.

Кто-то из спичрайтеров позднего Брежнева написал ему, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория. В случае с исследовательским проектом А.С. Смирнова этот тезис вполне оправдался. Благодаря успешной реализации этого проекта мы получили неожиданную

сегодня по своей новизне и доказательности социально-политическую историю русской археологии. Одним из плюсов любой научной гипотезы считается её эвристический потенциал — возможность открывать новые исследовательские горизонты. А.С. Смирнов справедливо предсказывает, что «подобные закономерности можно отметить и в истории отечественной географии, геологии и ряда иных естественных наук» (С. 380). Не знаю, как насчёт естественных, но вот насчёт многих гуманитарных — истории как таковой, культурной антропологии, фольклористики, этнографии, искусствоведения, социологии, богословия — это точно. Ведь и в этих сферах гуманитарной мысли охранительные тенденции сталкивались с разрушительными, «правые» с «левыми», а те и другие с политико-идеологическим нейтралитетом. И собственно научная результативность соотносилась с политической позицией отнюдь не однозначно, а противоречиво.

Ещё точнее будет говорить о комплексе гуманитарного знания относительно далёкого прошлого нашей Родины-России. Эта — археологическая подоплёка отечественной политики и идеологии в дальнейшем несколько раз сказала в новейшей истории СССР — современной России. Например, применительно к восточным войнам России советского и постсоветского периодов. Для лучшего понимания предыстории современной военной и дипломатической политики книга А.С. Смирнова даёт богатейший материал.

Фактические данные, собранные в этой книге, и содержащиеся в ней аналитические оценки и синтезирующие выводы на своеобразном материале подтверждают современные концепции власти. Это центральное для политической философии понятие трактуется по-разному. Наиболее авторитетная, пожалуй, сегодня трактовка принадлежит М. Фуко. Самый известный структуралист и глашатай постмодернизма отвергал две лидировавшие до него версии власти. Одна обычно ассоциируется с марксизмом, который отождествлял власть с насилием (чтобы так осуществлять власть, надо заковать раба в кандалы — только это сделает его подвластным...). Другая принадлежит П. Бурдьё и сводится к соглашению властителя и отдавшего ему в подчинение по каким-то своим причинам субъекта (чаще всего — вследствие идеологического ослепления или экономического расчёта). «Но хотя "использование насилия" и "получение согласия" являются орудиями или аспектами власти, они не раскрывают её сущности. Власть является "воздействием на действие"» (Кола 2011: 110). Для Фуко власть — это особая практика, интерактивная деятельность множества разных субъектов, людей и учреждений. Эта деятельность носит осознанный, но не субъективный характер; она объективна, но не материальна. Не сводясь к другим сферам общественного сознания и поведения, власть осуществляется с помощью их всех — экономики, просвещения, религии, науки и прочих.

Свою концепцию Фуко подтверждал экскурсами в историю медицины, особенно психиатрии (Фуко 1996). Философ предлагает в виде тюрьмы или лечебницы модели тех дисциплинарных зон, где «дрессируют животное, по имени человек». История гуманитарных наук, в том числе археологии, разнообразит предложенный им подход. Аргумент, адресованный в прошлое, выглядит в глазах современников и потомков особенно убедительным. Вроде того, что не мы начинали строить это государство, защищать эту страну, так не нам же её и оставлять в трудную историческую полосу... Будемте достойны наших предшественников. Поэтому постараемся узнать о них побольше. Сохраним их наследие — как в виде материальных вещей, зданий и т.п., так и в форме устной молвы об их свершениях. Поощрим увлечение нашей общей стариной. Приобщим к ней всё новые поколения соотечественников. Удивим ею гостей иностранцев. Примерно так актуализировались прежние и даже предельно древние эпохи в истории той или иной страны. Для относительно молодой по историческим меркам России археологизация каких-то моментов политики оказалась (и остаётся!) особенно востребованной.

Авторитарный, моментами даже диктаторский характер имперской власти в нашей стране яснее проявлял политический нерв гуманитарного познания, включая историко-археологическое. На быстрее и полнее демократизирующемся Западе Европы академические объединения и прочие институты гражданского общества скорее могли себе позволить демонстративную аполитичность, практиковать космополитический подход к предметам своего изучения. В самодержавной же России власти не могли обойтись без апелляции к далёкому прошлому, а его исследователи кто добровольно, кто вынужденно приносили патриотическую присягу.

Конечно, историко-археологический аргумент политики всегда содержит риск антинаучного искажения национальной ретроспективы. Об этой опасности не уставал предупреждать А.А. Формозов. Националисты склонны преувеличивать победы и достоинства предков, замалчивая их же поражения и недостатки. Всё исконное для ура-патриотов хорошо, а всё иноплеменное плохо. А.С. Смирнов, вполне поддерживая это предостережение старшего коллеги, указывает на опасность противоположной и, значит, упрощённой тенденции: столь же волонтарно, только с обратным идеологическим знаком, огульно устранять патриотические оценки, игнорировать культурную преемственность при рассмотрении исторических древностей.

В Новой истории Европы, включая модернизирующуюся под её стандарты Россию, власти довольно рано стали использовать для укрепления своего положения и влияния историю и археологию. Мало-помалу властителям да их присным стало ясно, что ни голое насилие, ни вульгарный подкуп нужных людей и социальных групп не являются достаточными инструментами собственной легитимизации в сколько-нибудь широких территориальных и общественных масштабах. Эти прямые рычаги

воздействия на подданных, а потом и избирателей полезно было бы подкреплять косвенными. Среди этих последних и оказалось членство в научных, просветительских объединениях, государственных академических организациях. Для представителей элиты учёные увлечения демонстрировали широту натуры; а меценатство, коллекционерство манифестировали влияние. Для разночинцев, «выскочек» же возможность стать полноправными членами, а то и активистами статистического комитета или архивной комиссии, принять участие в увлекательной экспедиции за моря и горы или на раскопках памятников старины на родине давала шанс прямого общения с властью и деньги имущими согражданами. Первые органы социальной коммуникации — газеты и журналы, альманахи — предоставляли свои страницы корреспондентам из разных мест и сословий. Так, курский мясоторговец А.Ф. Семёнов (1794–1860) становится на досуге от коммерции желанным корреспондентом учёных астрономов из Императорской Академии наук, а его товарищ по купечеству Н.Ф. Полевой (1796–1846) сочиняет историю русского народа, печатавшуюся массовыми тогда тиражами. Книга А.С. Смирнова даёт множество других образцов подобной жизненной игры, где органично сочетаются личные и общественные интересы, научные и идеологические цели.

Хотя рецензируемая книга отличается исключительной полнотой и широтой охвата соответствующего её теме материала, пожелания на продолжение исследования у коллег всегда найдутся.

Кроме более или менее научных дисциплин, автор в завершении своего исследования предусмотрительно отмечает «победную поступь империи в истории литературы и искусства России» (380). Им упомянуты соответствующие мотивы в жизни и творчестве наших замечательных деятелей беллетристики и других искусств — А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.К. Айвазовского, В.В. Верещагина (380). Беглый перечень писателей и живописцев тут точен, но не исчерпывающ. Великолепное начало разработки этой плодотворной ниши «Художники об истории» положил, как известно, всё тот же А.А. Формозов (Щавелёв 1998: 156–158). Появляются новые полезные попытки включить в круг широко понимаемой исторической археологии других авторов (Машанова, Машанова 2012). «За кадром» историографического анализа остаётся пока живопись братьев Виктора и Апполинария Михайловичей Васнецовых; Ивана Яковлевича Билибина; опера А.П. Бородина, бравшего консультации насчёт Половецкой Степи у членов Курской архивной комиссии; многие другие произведения русского искусства ретро- и этнонаправленности.

Археологические мотивы ведь, как известно, звучат в русской поэзии золотого и серебряного веков. Не только у классиков, но и среди эпигонов — у Семёна Боброва («Херсонесида»), Ефима Зайцевского («На раскопках Херсонеса»); затем М.А. Волошина, М.И. Цветаевой, Е.Ю. Кузьминой-

Каравасовой («Скифские черепки») и других восторженных певцов археологических развалин да исторических пейзажей.

А.С. Смирнову стоило обобщить: историческое сознание народа посылно формируется не только и не столько учёными сочинениями, сколько произведениями представителей разных сфер внеаучного знания, в особенности эстетического.

Такой объёмистый и сложный труд, как вышел у А.С. Смирнова, нуждался для лучшего понимания разными категориями читателей, в справочном аппарате. Автор нашёл подходящую форму для этого последнего — именной указатель. Все упоминаемые в тексте (кроме сносок) имена сведены в алфавитный список, где о каждом человеке дана более или менее краткая справка. В ней отмечены не только годы жизни учёных, государственных и общественных деятелей, политиков, чиновников и всех прочих участников работы с древностями, но и приведены основные вехи их биографий (происхождение, образование, сферы деятельности, чины и награды, участие в общественно значимых событиях, достижения в науке и на государственной службе). Завершает каждую статью библиографическая ссылка на обобщающие исследования, публикации о данной персоне. В результате именной указатель не только облегчает понимание текста книги, но вкуне с библиографией несёт в себе огромный массив информации, обладает самостоятельной научной и учебной ценностью. Во многих статьях представлены результаты архивных разысканий автора, даны ссылки на малоизвестную даже специалистам редкую литературу, включая иностранную.

В именованном указателе сведены данные почти о тысяче персонажей. Разумеется, на столь обширном историографическом пространстве остаётся место для кое-каких пожеланий составителю. Скажем, применительно ко всем русским царям и императорам, а также многим их сановникам рекомендованы сводные библиографические справочники («Рюриковичи», «Романовы»), сами по себе содержательные. Однако за последние годы практически о каждом русском самодержце, о многих политиках вышли качественные книги в серии «Жизнь замечательных людей», да и вне этой серии. В этих книгах, между прочим, как правило, отмечается и отношение этого деятеля к истории, древностям, памятникам культуры. О нескольких археологах в именованном указателе приведены только дореволюционные словарные справки, хотя можно было сослаться и на позднейшие специальные издания. Например, Д.И. Эварницкому (Яворницкому) посвящён том документальных рассказов (Шаповал 1989. Применительно к Н.А. Бердяеву стоило указать не сборник «Вехи», где он поместил небольшую свою работу проходного характера, а на его же интеллектуальную автобиографию «Самопознание», или же на большую статью о нём в кн.: *Философы России XIX–XX столетий* (1999: 97–100). Ещё кое-кто из упоминаемых А.С. Смирновым лиц оставил мемуары и дневники, опубликованные за последние годы (Ю.В. Готьё, А.А. Иностранцев, Н.П. Кондаков, П.Н. Милуков, Н.И. Кареев и другие) —

их-то и стоило указать в соответствующих библиографических справках. У графини П.С. Уваровой, наоборот, неоднократно отмечены её недавно увидевшие свет мемуары, но не посвящённый ей некогда сборник статей выдающихся современников — археологов и историков (Сборник 1916). Применительно к Д.Я. Самоквасову указана некрологическая справка Д.Н. Анучина, а не моя монография (Щавелёв 1998 в).

Опечаток в книге немного. Сокращение от «святого» — «св.» пишется в православной традиции со строчной буквы. Выражение «учёный археолог» и похожие сочетания этого прилагательного с разными существительными (учёный агроном, учёный секретарь) прежде писалось без дефиса, которым неизменно пользуется автор (504). Некоторые географические имена в тексте не склоняются, например: «в г. Миасс» (396), что до сих пор грамматически допустимо только в военных сводках. Имя барона де Бая почему-то подчёркнуто (399). В полном соответствии с темой работы отмечаются дворянские титулы упоминаемых учёных, всех, кроме фон Тизенгаузена (511). Обидно за барона Владимира Густавовича! Среди отечественных политиков только применительно к Б.В. Штюмеру отмечено, что он «*русский* государственный деятель» (530), как видно, в связи с подозрениями современников насчёт его прогерманских симпатий...

В названиях дореволюционных научных организаций и обществ — Археологической комиссии, Любителей естествознания, антропологии и этнографии, Московском и Русском Археологических, т.п., опущена первая часть — «Императорская (кое)», что не совсем исторично как раз с точки зрения темы этой книги. Только патронаж верховной власти, членов императорского дома позволил этим объединениям возникнуть и существовать.

Одни персонажи удостаиваются в именном справочнике превосходных эпитетов, а другие, равновеликие, нет. К примеру, Д.Н. Анучин — «выдающийся» (396), а следом идущий Д.И. Багaley — просто «академик» (398); В.А. Городцов — всего лишь «профессор», да ещё (явно «по Фрейду») с «1818 г.» (424). Л.Н. Толстой — «один из наиболее известных русских писателей и мыслителей» (512), а вот И.С. Тургенев — «писатель, поэт» и всё тут (514). А.С. Уварова можно было бы не клишировать «одним из наиболее известных» (515), а прямо назвать основоположником научной археологии в России.

Разумеется, сделанные библиографические и корректорские пожелания носят, что называется, факультативный характер и нисколько не затрагивают уже высказанной выше высокой оценки энциклопедических познаний автора в области истории науки и политики. Источниковую базу книги образует множество архивных документов. Они принадлежат не только собственно археологическим учреждениям, с которыми в основном работали предшественники А.С. Смирнова, но многим государственным учреждениям, центральным и региональным, где оставались до сих пор затеряны некие историко-археологические материалы. Конечно, архивная база тут практически неисчерпаема, но привлечённый документальный

материал в работе Смирнова едва ли не превосходит книжный, печатный, что является своеобразным источниковедческим рекордом в историографии археологии.

Текст книги сопровождается иллюстрациями, их много — почти по всем заметным персонажам показаны их портреты; кроме того — виды, пейзажи тех природных и архитектурных объектов, что относились к сфере археологических путешествий.

Как видно из всего сказанного, работа А.А. Смирнова столь сложна и широка по содержанию, что её трудно по достоинству оценить одному рецензенту любой квалификации. Полезно устроить коллективное обсуждение этой новаторской книги заинтересованными коллегами, как стремятся это делать с историографическими новинками Л.С. Клейна его петербургские товарищи из Института истории материальной культуры да Петербургского государственного университета. Мне думается, что фундаментальные исследования А.С. Смирнова и Л.С. Клейна по истории археологии удачно дополняют друг друга по рассматриваемому материалу и выводам из него.

Литература

1. Бердинских В.А., 1994. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860–1890-х гг. Автореф. дисс. ... докт. ист. н. М.
2. Выскочков Л.В., 2006. Николай I. М.: Молодая гвардия.
3. Клейн Л.С., 2011. История археологической мысли. В 2 т. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та.
4. Кола Д., 2001. Политическая социология. М.: «ИНФРА-М».
5. Лебедев Г.С., 1992. История отечественной археологии. 1700–1917. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та.
6. Машанова Л.В., Машанова Ю.И. История Кавказа в творчестве М.Ю. Лермонтова // Вопросы истории. 2012. № 2.
7. Миронов Б.Н., 2003. Социальная история России периода (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин.
8. Новомбергский Н.Я., 2004. Слово и Дело Государевы (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года. Тт. I–II. М.: «Языки славянской культуры».
9. Платонова Н.И., 2010. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История.
10. Раздорский А.И., 2008. О времени обретения курской чудотворной иконы Знамения Богоматери // Пятое Дамиановские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. г. Курск, 26–28 марта 2008 года. Курск: Курская сельхозакадемия.
11. Сахаров И.П., 1973. Мои воспоминания // Русский архив. Кн. 1. № 6. С. 895–918.
12. Сборник статей в честь графини Прасковьи Сергеевны Уваровой. 1885–1915. М., 1916. XXIV, 405 с., [28] с.
13. Сенаторский Н.П., 1912. Чудесное обретение иконы Знамения пресвятой Богородицы на корне дерева // Курские епархиальные известия. 32, 34.
14. Сергеев Е.Ю., 2011. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX века: новый взгляд (5), 3–15.

15. *Серых Д.В.*, 2005. Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Самара.
16. *Тункина И.В.*, 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб. Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. 1999. Изд. 3-е, пер. и доп. М.: Академический проект.
17. *Формозов А.А.*, 1961. Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во АН СССР.
18. *Формозов А.А.*, 1983. Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М.: «Наука».
19. *Формозов А.А.*, 1986. Страницы истории русской археологии. М.: «Наука».
20. *Формозов А.А.*, 1991 а Уральский археолог М.В. Малахов // Очерки истории русской и советской археологии. М.: Ин-т археологии РАН.
21. *Формозов А.А.*, 1991 б Уралец Малахов // Вопросы истории. № 4–5.
22. *Формозов А.А.*, 2004. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.: Знак. 320 с.
23. *Формозов А.А.*, 2004. Рассказы об учёных. Курск: Курский гос. мед. ун-т, 124 с.;
24. *Формозов А.А.*, 2005. Человек и наука: Из записей археолога. М.: Знак. 224 с. (Studia historica).
25. *Фуко М.*, 1996. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad marginem.
26. *Шановал И.*, 1989. В поисках сокровищ. Документальные рассказы. М.: Советский писатель.
27. *Щавелёв С.П.*, 1992. Первый опыт массового учёта археологических памятников в России (анкета Д.Я. Самоквасова 1872–1873 гг. и ее результаты) // РА. № 1.
28. *Щавелёв С.П.*, 1996. Археологический почин курского учителя А.И. Дмитриюкова в 1820 – 1830-е годы // Российская археология. (4), с. 177–184.
29. *Щавелёв С.П.*, 1997. Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. II. «Золотой век» губернского краеведения: 1860–1910-е годы. Курск: изд-во Курского гос. мед. ун-та.
30. *Щавелёв С.П.*, 1998 а. Становление археологического интереса в России XVII века (ранние находки древностей в районе Курска в отражении Приказного делопроизводства) // Российская археология. 2.
31. *Щавелёв С.П.*, 1998 б. [Рец. на кн.:] *А.А. Формозов*. Классики русской литературы и историческая наука // Вопросы истории: 5, 156–158.
32. *Щавелёв С.П.*, 1998 в. Историк Русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск: изд-во Курского гос. медицинского ун-та,
33. *Щавелёв С.П.*, 2007 а. [Рец. на кн.:] П.С. Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., Изд-во им. Сабашниковых, 2005. 296 с.; П.С. Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 144. М., 2005. 336 с. // Вопросы истории. 3, 170–172.
34. *Щавелёв С.П.*, 2007 б. «Дело краеведов ЦЧО» 1930–1931 годов. (Курский «филиал»). Курск, изд-во Курского гос. ун-та, 2007. 272 с., илл.
35. *Щавелёв С.П.*, 2011. Предыстория русской археологии: поиски древностей в Курском Посеймье XVII веке // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб. – М. – Великий Новгород.